

- Сдайся мне, щенок. Открой свой разум и прими меня в своё сердце, нет необходимости страдать.

Снова просыпаясь, он слушал сотни голосов, говорящих в унисон, пытающихся успокоить его, шепча сладкие обещания в его уши, но он понял, что они были пусты и бессодержательны. Постоянно одно и то же, слова менялись, но послание оставалось прежним при каждом повторе, будто он просто не мог понять.

Хрипя от смеха, он громко ответил.

- Хорошо. Я сдаюсь. Я капитулирую. Я уступаю вашим требованиям. Я принимаю ваше предложение. Помогите мне. Делайте, что хотите, я весь ваш. Я подожду здесь, я никуда не спешу.

Он остановился на несколько биений сердца, последние остатки надежды рухнули.

- Что это? О, ничего не происходит, какой сюрприз. Как всегда одно и то же, нечего взять от вашей бесполезной болтовни. Чёртовы ублюдки, поищите кого-нибудь другого.

Он начинал понимать, почему брат всегда странно на него смотрел, когда он говорил о предках.

Потому что они были ничем иным, как фикцией его воображения.

Как ещё можно было это объяснить? Они говорили с ним, голоса были настоящими, как песок под его лицом, в этом не могло быть никаких сомнений. Неважно, как он отвечал, прося или умоляя, крича или ругая их, требуя помощи, ничего не менялось. Они игнорировали его слова, их уши были закрыты к его голосу, они всегда повторяли одно и то же послание. Спустя время он молчал в ответ на их просьбы, каталог их бессмысленных обещаний возрастал всё больше. Он будет королём, завоевателем, любовником, отцом. Они даруют ему богатство и удачу, знания и силы, солдат и женщин. Всё, что ему нужно было сделать, - сдаться, будто он этого уже не делал множество раз.

Они были ничем иным, как плодом воображения измученного полусумасшедшего мужчины.

На него снизошло озарение, и с тех пор сомнения лишь возрастали. Почему предки стали бы так над ним посмеиваться? Его народ – воины и солдаты, гордые и благородные. Какая выгода была в том, чтобы дразнить его надеждой, лишь для того, чтобы оставить его, лежащим в темноте, молящим об облегчении? Он вспоминал битвы, свои навыки, его тело свободно двигалось, будто движимое невидимой рукой. Было ли это правда дело рук мёртвых призраков

прошлого, или это было что-то другое?

Возможно, это были плоды тренировок. Брат пытался объяснить ему Состояния Просветления и Баланса, но это ему ни о чём не говорило. Мать, Отец, он бы выплеснул свою злость на обоих, если бы они были настоящими. Что хорошего они сделали? Какую помощь они предлагали? Они играют с жизнями людей, как дети играют с муравьями, если у них действительно было столько силы, почему они позволяли ему так страдать? Доверять легче было предкам, они воины прошлого, делящиеся своими знаниями в настоящем, и всё это для того, чтобы сделать лучшим будущее. В этом просто есть смысл.

Или, по крайней мере, был.

- Почему ты отвергаешь мою благотворительность, ребёнок? Возьми мою руку, позволь моим силам напитать тебя.

Возможно, голоса были ничем, кроме его повреждённого разума, который не мог постичь загадки Просветления. Или, возможно, они правда были его предками, наслаждающимися его муками, дающими ему надежду лишь для того, чтобы посмеяться над его отчаянием. Кто знает. Теперь он будет полагаться только на себя и своего брата, остальные голоса ему лишь надоедали. Но в настоящий момент брат нуждался в его помощи. Как еще объяснить данную ситуацию? Брат, должно быть, сражался и проиграл, он бы никогда меня не бросил. Он был тем, кто бросил своего брата, будучи слишком слабым, чтобы оставаться в сознании, поддаваясь слабости.

Я слаб. Брат силён, сильнее, чем он думает, но если брат может выдержать, значит, могу и я.

Его дух обрёл новые силы, он лежал спокойно, страдая в тишине и ругая своё слабое сознание.

Неизвестно, сколько он здесь лежал, но что-то нужно было менять. Брат не отвечал, а предки лишь наносили вред. Оставаясь неподвижным в темноте, он бы умер от ранений, обнажённости или голода. Игнорируя постоянное желание подчиниться, он сжал зубы и медленно пошевелил правым указательным пальцем. Крошечный укол боли пронзал его с каждым движением, но это было выносимо. Двигая другими пальцами, он продолжал понимать, чем он может двигать, и пытался двигаться больше.

Время шло, пока он оценивал варианты возможных действий в темноте, несколько раз отключаясь от того, что двигал ранеными частями тела. На его правой руке не хватало безымянного пальца и мизинца, его локоть опух и был покрыт синяками, его плечо было вывихнуто или сломано. Его тело болело, его шея была неестественно деформирована, а ноги онемели и не двигались. Его лицо было в грязи, а при любой попытке поднять голову мир вокруг него кружился, и он отключался. Его левая рука казалась повреждённой и без всяких движений, и если бы не жгучая боль, которую он чувствовал каждый раз, когда пытался ей двигать, он бы подумал, что её оторвало. Хорошо, что этого не случилось: заново отращивать конечности было более болезненно, чем он мог вынести, хотя брат пережил это.

Нет, мы одно целое, и пока брат недееспособен, я не могу позволить себе подвести нас. Я должен выстоять, от этого зависит наша жизнь. С достаточным терпением он преуспел и пошевелил рукой, оставшись в сознании, волоча её по песку тремя пальцами, сжав два повреждённых. Обыскивая то, что его окружало, пальцами, он наткнулся на скользкие мокрые пряди, которые, он надеялся, являлись водорослями. Он поднёс их ко рту и с трудом пережевал, затем он запил отвратительный обед холодной водой.

По крайней мере он не мог ни видеть то, что он ест, ни чувствовать запах этого. Каким-то образом он утолил голод и жажду и снова стал думать о том, как выжить, имея возможность двигать лишь одной рукой. На какой-то момент он задумался о том, что смерть была бы лучше этого ада на Земле.

К тому же, он чувствовал, что смерть приближалась.

Ему казалось, что он бежит на месте, а мир крутится вокруг него. Но всё же он избегал ужасных призраков, которые непрестанно гнались за ним. Его лёгкие горели, а мышцы болели, в то время как он пытался собрать остатки сил в своём теле, но этого было недостаточно, его преследователи завлекали его в бесконечность, непрестанно воя. Посмотрев через плечо, он видел, как существа из гнилой плоти и оборванной кожи медленно приближаются к его ногам, откусывая куски плоти, съедая его по кускам до того момента, когда он больше не сможет бежать и упадёт на месте, тогда они начинают пожирать его снизу вверх, оставляя голову напоследок, наслаждаясь его криками, бессилием и невозможностью противостоять.

- Сдайся, и тогда получишь облегчение. Сила находится на кончиках твоих пальцев, тебе лишь нужно её принять.

Резко просыпаясь, он почувствовал, как его тело дрожит в агонии. Он недоумённо моргнул, стenea от страха и облегчения. Не то чтобы он мог это слышать, как-то он заметил, что стал глухим, постоянный звон в ушах заглушал все звуки. Это не остановило предков, они не прекращали свою тираду о сдаче, начиная снова. Эхо раздавалось в его голове. Контролируя дыхание, он дрожал от слёз, лёжа ничком, делая глоток воды, чтобы успокоить нервы. Это был всего лишь кошмар, а кошмары не могут причинить вреда.

Правда?

Они продолжали охотиться за ним, становясь яснее с каждым появлением. Каждый раз одно и то же: он бежал и бежал, но каждый раз они ловили его в конце, пожирали его плоть и кости. С каждым разом они становились более материальными. Из эфирных призраков они превратились в черепа, нарастающие гнилую плоть и рваную кожу, в пустых глазных выемках росли глаза. Будто каждый приём пищи давал им силу. Они кормились его сущностью, съедали его разум и дух, чтобы стать сильнее самим.

Худшее заключалось в том, что он не мог понять, что это был сон, пока он не закончится. Опыт был настолько жизненным, что преследовал его до самого пробуждения. Беспомощный и напуганный, он закрыл глаза и сконцентрировался, пытаясь вернуться в безопасное поместье,

которое построил его брат, где его ждал его заяц в комфортной постели, где его ждала вкусная еда и всё, что он только мог пожелать, где он был свободен от боли и страданий. Он мог слушать музыкальные воспоминания и бегать по бесконечному травяному полю, принимать паровую ванну и бороться с любым врагом, которого мог представить его брат, - это утопия, созданная лишь для него.

Должно быть, именно там сейчас находится его брат, но с тех пор, как он проснулся, он не мог туда вернуться. Раньше ему никогда не приходилось пытаться, возвращаться было просто, как дышать, но теперь рай был закрыт для него. Открывая рот, он закричал, его горло всё ещё могло издавать звуки, по крайней мере, он так думал. Даже несмотря на глухоту, он чувствовал жужжание, будто его череп вибрировал, когда он кричал, поэтому он продолжал кричать так долго, как только мог, надеясь, что его кто-нибудь услышит. Когда горло пересохло, он жадно пил холодную воду, чтобы облегчить боль, а голод утолил снова водорослями. Это не продлится долго, в этом он был уверен. Из-за всех ранений он, скорее всего, потерял много крови, и кто знает, сколько дней прошло с последнего приёма пищи.

Предки продолжали говорить, пока он кричал. Но заглушить их болтовню он не мог. Отчаяние разъедало его, словно призрак из кошмаров. Почему голоса не останавливаются? Я уже знаю, что они не настоящие...

Я не знаю, сколько ещё я смогу продолжать это делать, брат.

Я продолжу стараться.

Круг живых кошмаров и лихорадочных галлюцинаций продолжался, два тёмных мира смешивались воедино. Он лежал в пустоте, не в состоянии видеть своё тело, слышать свои крики, чувствовать то, что его окружало. Всё, что он знал, - это пустота и призраки, населяющие её, преследующие его, ожидающие того, чтобы он споткнулся, чтобы они могли съесть его полностью. И всё это происходило, пока предки продолжали свою бесполезную речь.

- Сдайся, ребёнок, хватит бороться. Это не приносит тебе пользы. Маленький потерянный ягнёнок, вернись на мою сторону и снова получи силы.

Он зарычал от ярости и отключился. Бросив правую руку перед собой, он поволок себя вперёд изо всех сил. Мокрый песок царапал его лицо, словно стекольные осколки, левая рука болела, а рот был раскрыт от криков. Пустота грозила снова забрать его. Он бесполезно бежал от призраков, а они снова поглощали его, когда он кричал в их сторону ругательства, плюнув в глаз одному гротескному фидеру перед тем, как проснуться. Делая глубокий вдох, он снова закричал и потащил себя вперёд, и снова он убегал от призраков.

- Сдайся и получи мой подарок, маленький воин. Твои страдания бессмысленны, воспользуйся своим правом.

Снова.

- Тебе не нужно быть добычей, с моей силой ты станешь хищником. Следуй моим указаниям, и вместе мы проглотим мир.

Снова.

- Брось свои надежды и уступи, не играй в жертву.

И снова.

Оглядываясь назад, он увидел, что призраки снова гонятся за ним, но страха не осталось, осталась лишь усталость от утомительной рутины. Ужасные существа добрались до его пяток, и он щёлкнул языком от раздражения, смотря, как они пожирают его мышцы. Эти ублюдки лишь останавливали его на пути к воде и спасению.

Почему я убегая от них? Я воин, я никого не избегаю.

Останавливаясь на месте, он повернулся к ним лицом, когда предки снова заговорили.

- Хорошо, хорошо, подчинись мне. Независимость и спасение – в твоей власти.

- ЗАТКНИТЕСЬ!

Крича в пустоту, он направился к призракам, в его руках появились щит и меч, а броня появилась от единственной мысли. Двойное лезвие ударило по кишкам призрака, что сопровождалось мокрым звуком, существо заревело от отчаяния. Улыбаясь его зияющей пасти, он взмахнул оружием в сторону. Прокручиваясь на пятках, держа руки вытянутыми, он рубил в беспорядочной манере, очищая пространство вокруг себя от мусора.

Призраки казались шокированными от того, что их роли поменялись, и он посмеялся над ними.

- Я не добыча!

Набрасываясь на другого призрака, он ударил по нему мечом, щитом сдерживая остальных, нанося удары снова и снова.

- Я НЕ жертва!

Выбираясь из кучи, он выставил щит вперёд ещё раз, его меч поднялся для удара.

- Я больше не буду страдать от вашего присутствия! Убирайтесь.

Их вопли стихли. Призраки умирали друг за другом самым ужасным образом, который он мог себе представить, превращая их в неузнаваемую смесь крови. Меч был назван метко, принося ему мир, отбирая жизнь у врагов, но именно меч делал возможным делать всё это медленно. Не имея возможности пробиться через охрану, призраки были в ловушке его силы, позволяя ему спокойно убивать, наслаждаясь тем, что он дал волю своему раздражению. Спокойствие захлестнуло его, пока он резал своих врагов.

Меч дал ему Мир, но щит дал ему Спокойствие. Брат больше не любил давать вещам имена, говоря, что это по-детски, но лучше оружию иметь имя. Также имена нужны и нападениям, ведь говорить противникам о том, как ты будешь их убивать, - настоящее удовлетворение. Я назову это...Очищением Небес. Чёртов мусор вокруг меня, я позабочусь о том, чтобы от него избавиться.

Жизнерадостно улыбаясь, он резал своих преследователей без остановки, наслаждаясь их тяжёлым положением. Предки, наконец, изменили свой тон, когда он убивал, умоляя его остановиться, но он игнорировал их так же, как они игнорировали его. Смотрите, как им нравится быть отвергнутыми. Смотрите, как призракам нравится то, что их уничтожают. Открыв рот, он глубоко вдохнул и избитые трупы превратились в жижу на его глазах, собираясь в ручей, они полились по его горлу, комфортно устраиваясь в животе, его силы и отвага возвращались. Оставшиеся призраки повернулись, чтобы бежать, но они были в его сознании и они не спасутся, как бы они ни старались. Он смеялся, с лёгкостью убивая их, наслаждаясь их вкусными остатками.

Удовлетворённый мстью, он стоял в пустоте, наслаждаясь тишиной и спокойствием, укутанный в тепло и комфорт. Никаких больше призраков, никаких предков, только он, свободный и одинокий. Его дыхание приходило в норму, пока он изучал своё оружие, оно стало частью его даже больше, чем раньше, будто он родился с ним в руке. Он чувствовал, будто щит стал более реальным и крепким, а меч казался нереальным, будто был представлен не полностью. Всё же с Миром и Спокойствием в руках он чувствовал, будто мог делать всё, что угодно.

Глубоко выдыхая, он вытащил лезвие щита и проткнул пустоту, делая щель достаточно большой, чтобы пройти. Выходя в свет, он засмеялся и улыбнулся от облегчения, увидев знакомый вид двора. Почти падая от усталости, он потряс головой и зашагал к своей спальне в углу, намереваясь спать в своей постели, под своим одеялом и на своей подушке, прижимаясь к своему пушистому зайцу.

Открывая дверь, он застыл от удивления, снова уставившись в пустоту. На том месте, где должна быть его комната, его брат неподвижно висел в воздухе, голый, в чём мать родила. Его тело было избито и покрыто синяками, ранения их тела отражались на их душе, выглядящей, как при смерти, а вокруг него собрались бестелесные призраки. Пробиваясь через невидимую силу, он попытался подойти к брату и помочь ему, но его держала преграда, ни Мир, ни Спокойствие не могли пробиться через неё. Он обошёл дом и посмотрел в окно, стуча в него, крича, добиваясь внимания брата.

Теперь будучи ближе, он увидел, что тощие призраки не могли касаться брата, а раны на теле светились. Откуда-то он знал, что брат удерживал врага в бухте. Мотая головой, он хихикнул от восхищения, его лицо растянулось в улыбке. Он был прав: брат был единственным человеком, на которого он мог положиться.

Когда мой брат так усиленно работает, как я могу дать слабинку? Сон может подождать. Поддерживать их тело было его обязанностью.

Открыв глаза, он снова лежал в темноте, подсчитывая свою боль и ранения, свободный от постоянной болтовни «предков». Быстро наладившись Тишиной, он снова сжал зубы и потащил своё тело вперёд, из горла вырывался беззвучный крик. В этот раз с диким смехом он продолжал двигаться, крича, чтобы не отключиться. Снова и снова.

Сильная пара рук толкнула его и он отшатнулся от прикосновения, инстинктивно пытаясь сражаться, крича, бросая вызов. Число рук умножилось, одна тёплая рука успокаивающе похлопывала по щеке. Расслабляясь от их хватки и закрывая глаза, он вздохнул от облегчения, и его сила улетучилась.

Я сделал это, брат, мне удалось найти помощь.

...Ээ, я думаю...

Пожалуйста, будь дружелюбен.

Теперь это не в моих руках, брат, я делал всё, что мог. Ты бы гордился мной.

<http://tl.rulate.ru/book/591/307189>